

Д. В. Баранская

ХРОНОТОП ПОЗДНИХ ОД ФРИДРИХА ГЁЛЬДЕРЛИНА

Белорусский государственный университет, г. Минск;

diana.baranskaya@mail.ru;

науч. рук. – Г. В. Сунило, канд. филол. наук, доц.

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей репрезентации художественного времени и пространства в лирике немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина на примере его поздних од. Объектом исследования являются оды Гёльдерлина, созданные им с 1800 по 1803 гг. В статье анализируются различные варианты одического хронотопа у Гёльдерлина и определяется, в какой степени время-пространство в рассматриваемых одах соответствует традиционному хронотопу оды и в какой степени – выявляет новаторство поэта.

Ключевые слова: Фридрих Гёльдерлин; немецкая поэзия; жанр оды; хронотоп; художественное время; художественное пространство.

Одним из самых распространенных жанров в творчестве выдающегося немецкого поэта Фридриха Гёльдерлина (1770–1843) является жанр оды, который имеет у него свои неповторимые, свойственные лишь его творчеству черты, обнаруживающиеся, в том числе, и на уровне хронотопа. То, насколько уникальной предстает в его одах их пространственно-временная организация, мы рассмотрим на примере его поздних од, написанных в 1800–1803 гг.

Специфика любого жанра во многом определяется характерным для этого жанра хронотопом. Что же касается именно жанра оды, то его, как правило, отличают такие особенности художественного пространства, как безграничность и необъятность, возможность быстрого и беспрепятственного перемещения от одного объекта к другому. Как пишет Д. М. Магомедова, «одический хронотоп соотносит единичное событие с универсальным хронотопом мифа, эпического прошлого и, в пределе, с планом вечности. Именно поэтому одическое пространство стремится к беспредельному расширению и универсализации» [2, с. 98]. Обязательным свойством жанра оды является возвышение поэтического взгляда автора над обыденной реальностью. При этом поэт занимает внешнее положение по отношению к изображаемому миру и смотрит на него с особой позиции –

точки зрения, исходящей из высшего знания о мире и характеризующейся панорамностью и широким пространственным охватом. По словам А. Г. Масловой, «чтобы воспринимать мир с этой особой позиции, автору необходимо находиться в состоянии исступления, восторга, парения <...>. В этом состоянии поэт видит “умными очами”, “мысленным взором” недоступное простому глазу. Восторгаясь духом в поднебесье, он парит и смотрит на все с идеальной высоты, оказываясь таким образом не просто над пространством и временем, но вне пространства и времени. Это позволяет увидеть мир в его настоящем, прошлом и будущем и во всей его беспредельности» [3, с. 232].

В целом можно сказать, что оды Гёльдерлина в большинстве своем соответствуют традиционному одическому хронотопу. В частности, подобная внеположенность лирического героя, позиция всезнания и беспредельность, универсальность пространства хорошо заметны в оде «Пробуждение» («Ermunterung»). В этой оде поэт обращается к «святому сердцу» («heiliges Herz»), что, скорее, следует понимать абстрактно, как обобщающий образ духовного состояния человека. Поэт с укором спрашивает его, почему же оно спит и молчит даже тогда, когда вокруг радуется и цветет природа. Затем наступает тот самый восторг, позволяющий поэту подняться над реальностью и представить себе, явственно воплотить, предречь идеальное будущее, в изображении которого он охватывает взором всю Землю, затрагивает все человечество, всю природу. Как пишет о Гёльдерлине С. Цвейг, «словно с птичьего полета, с духовных высот, видит он все предметы, со священных высот, к которым мечтательно стремится его душа всей силой жгучего чувства» [4, с. 50].

В некоторых одах наблюдается полный уход в космическое пространство – например, в оде «Природа и искусство, или Сатурн и Юпитер» («Natur und Kunst oder Saturn und Jupiter»). Она посвящена двум античным богам – Юпитеру и его отцу Сатурну. Сатурн здесь воплощает природу, а Юпитер – искусство. По представлениям поэта, в настоящее время миром правит Юпитер, он стоит как бы в зените, держит равновесие и пребывает в покое. Но, как гласят легенды, когда-то давно он свергнул в бездну своего отца, повелителя «золотого времени», где тот страдает без вины уже долгое время, забытый всеми. Но поэт слышит его и ждет его скорого возвращения, чувствуя, что время Юпитера начинает клониться к закату. Пространство, представленное в оде, создает впечатление некоего круговорота планет, космической оторванности от земли. И даже во

времени поэт заглядывает на огромную даль назад, в древнейшие, космогонические времена.

Вместе с тем в этой оде поднимаются и важные вопросы отношения природы и искусства. Поэт утверждает, что искусство не должно подчинять себе природу, а наоборот – природа должна стоять выше искусства (ведь искусство, по сути, порождено природой, основывается на ее законах). Для Гёльдерлина силы природы – это всемогущие гении. Тот же гений, что в природе, тот же и в нем, в поэте. По его мнению, человек ускоряет движение мира и развития культуры посредством идеализации, делая жизнь прекраснее и помогая искусством природе. Вероятно, поэтому во многих одах Гёльдерлина представлено в ускоренном времени преображающееся пространство, например, наступление весны в оде «Скованный поток» («Der gefesselte Strom»), где изображается, как разбивающий свои ледяные оковы речной поток пробуждает всю природу к жизни, или же в оде «Любовь» («Die Liebe»), где, подобно весне, распускается в небе цветок любви.

Стоит отметить, что при всем стремлении к преображению мира посредством силы поэтического слова в одах Гёльдерлина встречаются, хотя и не так часто, пространства разрушения, как, например, в стихотворении «Голос народа» («Stimme des Volks»), в котором речь идет о погибшем, уничтожившем самого себя древнем городе Ксанфе. Однако в большей степени это касается последнего самостоятельно отданного Гёльдерлином в печать цикла стихотворений под названием «Ночные песнопения» («Nachtgesänge») – по сути своей кризисного, наполненного настроением рушащихся надежд и, в некотором роде, отрицанием поэтом самого себя. Подобный характер пространства отчетливо прослеживается в такой оде этого цикла, как «Вулкан» («Vulkan»), которая содержит в себе достаточно редкий для поэта явственный образ суровой зимней ночи, бушующего морозного северного ветра, имеющего огромную разрушительную силу.

Как можно заметить, чаще всего в одах Гёльдерлина местность видится с какого-то панорамного фокуса, как будто бы сверху, и обладает большой степенью обобщенности. Но есть у него и оды в этом отношении существенно не совпадающие с традиционным одическим хронотопом. Например, в оде «Гейдельберг» («Heidelberg») пространство предстает весьма конкретным, так же конкретен и момент изображенного события, непосредственным участником которого является сам лирический герой. Начинается ода с обращения поэта к городу Гейдельбергу и описания

реально существующего моста над рекой Неккар. Затем лирический герой переносится в воспоминание о том, как когда-то он шел по этому мосту и был заморожен открывшимся перед ним видом, вслед за чем вся ода концентрируется на описании наблюдаемого лирическим героем пейзажа. Удивительная подвижность, отчетливость описываемого здесь ландшафта очень сильно выделяют эту оду на фоне остальных. Характерная для нее особая живописность довольно редко встречается в одическом жанре.

В некоторых одах Гёльдерлина наблюдается явное доминирование признаков элегического хронотопа: обособленность, грусть и воспоминание в оде «Зайди, прекрасное солнце...» («Geh unter, schöne Sonne...»); одиночество и увядание в оде «К надежде» («An die Hoffnung»); блуждания в бесплодных поисках, плач и тоска в оде «Хожу я каждый день...» («Wohl geh ich täglich...»), почти полностью созвучной элегии «Плач Менона о Диотиме» («Menons Klagen um Diotima»). Частично повторяет одно из мест этой элегии и начало оды «Слепой певец» («Der blinde Sänger»), где лирический герой окутан беспросветной ночью, ищет свет, но не может проснуться, не может его увидеть. Слепой, он видит только свои воспоминания. А уже в оде «Слезы» («Tränen») выражается ярое стремление предотвратить стирание памяти о прошлом и скорбь по ранее прекрасным, но теперь разрушенным и покрывшимся пеплом островам Эллады.

Такое межжанровое проникновение элегического хронотопа говорит о том, насколько сильным было в поэзии Гёльдерлина элегическое начало. Как пишет В. Виндельбанд, «элегический поэт нуждается в идеале, которым он соизмеряет действительность и ради которого он от нее бежит, даже если он должен сначала создать себе такой идеал. Для Гёльдерлина этим идеалом был античный мир. <...> предметом этой любви и тоски было ушедшее поколение. И состояние, которое, как “золотой век”, навсегда потеряно и лежит далеко от нас» [1, с. 133]. Такая тоска по «золотому веку» наиболее отчетливо выражена в оде «Диотима» («Diotima»), хронотоп которой строится на плавных переходах между пространствами прошлого, настоящего и будущего. В центре оды находится образ Диотимы (в нем сочетаются как черты реального человека, так и вечной, вездесущей Мировой Души), оплакивающей давно ушедшее прекрасное время. Но несмотря на царящее здесь общее печальное настроение в конце оды поэт все же выражает надежду на скорое приближение счастливого времени, что, в общем-то, является отличительной особенностью его элегий.

Роднит оды с элегиями и изображаемое в них географическое пространство. Например, распространенный в элегиях мотив возвращения на родину и сопутствующее ему описание родных мест можно найти в одах «Родина» («Heimat»), «Возвращение на родину» («Rückkehr in die Heimat»), а также в оде «Неккар» («Neckar»), где к описанию долины Неккара еще добавляется и мысленное путешествие к островам Греции.

Таким образом, уже то, что многие оды Гёльдерлина как в плане тематики, так и в плане хронотопа существенно пересекаются с элегиями, позволяет говорить о том, что в них, наряду со следованием традиционному канону одического жанра, происходит размывание жанровых границ, подчинение законов жанра человеческому чувству и творческому замыслу.

Библиографические ссылки

1. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М. : Юрист, 1995.
2. Магомедова Д. М. Канонические жанры // Теория литературных жанров : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. Образования / М. Н. Дарвин, Д. М. Магомедова, Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа ; под ред. Н. Д. Тamarченко. М. : Издательский центр «Академия», 2011. С. 92–128.
3. Маслова А. Г. Художественный хронотоп русской торжественной оды: связь с государственной идеологией и мифологией // Дергачевские чтения 2011. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы XVсерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. И. А. Дергачева, Екатеринбург, 6–7 окт. 2011 г. : в 3 т. Т. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 232–237.
4. Цвейг С. Гёльдерлин // Собрание сочинений : в 10 т. М. : ТЕРРА, 1996. Т. 5. С. 20–125.